

тѣму забвенія, онъ подслушалъ самого себя, онъ запомнилъ свою душу, сдѣлалъ изъ нея метерлинковскую „страну воспоминаній“. И отъ нея, отъ этого центра, откидывая далекіе радіусы ко всѣмъ другимъ и ко всему другому, онъ и сумѣлъ, на закатѣ жизни, снова понять и воспроизвести даже психологію война и войны, всяческой Кавказъ, физическій и нравственный, натуру горца, войну ради войны,— всю эту стихію Хаджи-Мурата.

Отличіе отъ прежняго Толстого—не въ ослабленности дарованія, а въ общемъ тонѣ,—въ такомъ тонѣ, которымъ говорятъ послѣднія слова. Слышится что-то непоколебимое, спокойное, увѣренность конца. Иного и бѣльшаго уже не скажешь, чѣмъ эти потрясающія своей простотою объективныя и лаконическія фразы. Въ нихъ спрятано столько думы, сердца, наблюдений; въ нихъ, какъ въ завершающія глубокія формы, заключена вся продуманная сложность и противорѣчивость жизни. Здѣсь—концы и предѣлы. Та мудрая и трудная простота, которая вообще отличаетъ Толстого, на посмертныхъ страницахъ, на примѣръ, въ „Фальшивомъ купонѣ“, даже производитъ порою жуткое впечатлѣніе,—какъ рассказаны ужасы, какъ буднично и обыкновенно совершаются убійства!.. Рисунокъ элементарный, немногочисленный, и въ психологическомъ кругооборотѣ конецъ вернулся къ началу: многотумная простота, послѣдніе выводы, итоги дней и размышлений, вся эта завершенная сокровищница Старика, облеклись